

Перед нами — не внешнее совпадение. Сходство в начальных эпизодах важно еще и потому, что и дальше сопоставляемые песни развиваются по общей композиционной схеме. В самом внутреннем построении песен есть одна общая черта: это песни о сборах в поход; в некоторых сюжетах цикла о Ермаке речь прямо идет о походе, цель которого — помочь Ивану Грозному в осаде Казани. Вторую часть песни о помощи новгородцев составляют размышления собравшихся о том, как им поступить. Новгородцы опасаются, что они могут опоздать: Дмитрий уже переходит Оку; но не идти на помощь они не могут — Дмитрию «будет непособь», а новгородцам «будет... не отсадиться». Вся эта часть дана в виде прямой речи, которая принадлежит, по-видимому, не одному, а всей массе. В песнях о Ермаке мы находим также аналогичную композицию. После того как казаки собрались в круг, они начинают обсуждать свои дела. Иногда говорит один Ермак, но такой случай вовсе необязателен: часто речь принадлежит всем собравшимся.

Как под городом под Казанью стоит белый царь,
 Стоит белый царь, царь Иван Васильевич;
 Он не год стоял, не два года,
 Он стоял ровно семь годов;
 Не взявши Казань, горюет, хочет прочь идти.
 Пойдемте-ка, ребятушки, на подмогушку...

(Киреевский, VI, стр. 23—24).

Можно заметить при этом, что, как и новгородцы, казаки очень спешат добраться до цели.

В третьей части песни говорится о сборе новгородцев и об их приходе к Дмитрию. Песня заканчивается словами благодарности, с которыми обращается князь к новгородцам. Такое завершение знают и песни о Ермаке, хотя оно для них не очень характерно.

О чем говорят сделанные сопоставления? По-видимому, в песенном фольклоре конца XIV—начала XV в. уже складывается форма лиро-эпической исторической песни — без развернутого сюжетного повествования, без сложной фабулы. В песнях этого типа отсутствуют яркие эпические эпизоды, для них более характерна тенденция к художественной достоверности (хотя они и не лишены большей или меньшей доли вымысла). В фольклоре конца XVI и XVII в. такая форма станет едва ли не господствующей, а песни, в которых центральными в сюжетно-композиционном плане будут эпизоды сборов в поход и речи, раскрывающие смысл и характер происходящих событий, станут создаваться десятками. В песне о помощи новгородцев еще нет той чеканной, отшлифованной формы описаний, обращений, характеристик, какая придет в песни XVI—XVII вв. Но тенденция к созданию такого рода формы, новых песенных *loci communes* уже налицо. Такие выражения, как «в великом Новгороде... у святых Софеи на площади», «стоят мужи новгородские», «говорят мужи таково слово», «силы немного, только тринадцать тысячей» и некоторые другие, могут рассматриваться как складывающиеся песенные формулы.

Реконструируемая песня интересна и в том отношении, что она, несомненно, новгородского происхождения. Она важна для понимания настроений новгородского простого люда; в песне отчетливо выражены патристические чувства новгородцев, их желание принять участие в общей борьбе против татар, даже тревога за то, что они могут оказаться в стороне от общего дела. Песня, очевидно, сложилась где-то в самом ходе событий, она выразила непосредственные и горячие настроения дня. Перед нами одна из ранних политических песен. Возможно, что она явилась как отклик на